

Analysis of word and music interconnection in Greek Catholics' liturgical chanting on interdisciplinary aspect of linguistics and aesthetics

[Анализ взаимоотношения слова и музыки в литургическом пении греко-католиков в междисциплинарном аспекте лингвистики и эстетики]

Anna Petrikova – Slavka Kopcakova

DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.60

Abstract

The article considers a person as an anthropological phenomenon who manifests the ability to perceive sacral music and texts of Greek Catholic worship. It is known that language is a means of transferring information fulfilling a symbolic function. In the aspect of linguo-confessional and phenomenological research we consider that this ethno-social function can be realized by music. The article focuses on the liturgical chanting of the Greek Catholics' Byzantine rite which represents the unity of the prayer forms, life experience and melody. The analysis shows that the break of this unity can mean the interruption of liturgical chanting and transition to the field of profane musical art.

During the prayer a linguistic identity exists in the sacred space. A prayer is the main way of perception of God and formation of "right" ideas about God. In the article, a prayer is understood as a form of a special dialogue with specific pragmatic functions. In the text of the prayer there used a gonorative expressing the interconnection with the ascending vector along the line of the addressee's elevation and the speaker's self-abasement. There are examples of one of gonorative forms, i.e. the "you" – sphere of the utterance. The interconnection between chants and texts from the liturgical books of the Byzantine rite and their impact on the spiritual growth of the linguistic identity are considered.

Key words: linguo-confessionology, language, linguistic identity, confession, chants, worship, linguistic picture of the world, prayer, aesthetics

Аннотация

В данной статье рассматривается человек как антропологический феномен, который проявляет способности к восприятию сакральной музыки и текстов греко-католического богослужения. Известно, что язык является средством переноса информации, выполняет символическую функцию. В аспекте лингвоконфессионального и феноменологического исследования мы считаем, что данную этносоциальную функцию может реализовать и музыка. В статье уделяется внимание богослужебному пению византийского обряда греко-католиков, которое представляет собой единство форм молитвы, жизненной практики и мелодии. Анализ показывает, что разрыв этого единства может означать прерывание богослужебного пения и переход в область профанного музыкального искусства. Во время молитвы языковая личность существует в сакральном пространстве. Молитва – это основной способ богопознания, формирования «правильных» представлений о Боге. В статье молитва понимается как форма особого диалога с конкретными прагматическими функциями. В тексте молитвы используется гоноратив, выражающий отношение с восходящим вектором по линии возвышения адресата и самоуничтожения говорящего. Приводятся примеры одной из форм гоноратива –

«ты»-сферы высказывания. Рассматриваются взаимоотношение песнопения и текстов из литургических книг византийского обряда и их влияние на духовный рост языковой личности.

Ключевые слова: лингвоконфессиология, язык, языковая личность, конфессия, песнопение, богослужение, языковая картина мира, молитва, эстетика

Введение в проблематику языковой личности

В связи с преобладанием антропоцентрической парадигмы в научных исследованиях вопрос изучения языковой личности является одним из актуальных в современной лингвистике. Посредством языка человек выражает свое отношение к окружающей действительности, называет процессы внутреннего переживания и сопереживания происходящего с членами родного этноса. Одним из первых западных лингвистов, затронувших понятие языковой личности, считается немецкий языковед, основатель неогумбольдтианства Йоханн Лео Вайсгербер, который выделяет сущность «языкового организма конкретного человека» (Вайсберг, 2004: 129) как составной части единого языкового сообщества. Под «языковым организмом» Й. Вайсберг понимает психический феномен, психическое явление, способность человека владеть конкретным языком (Вайсберг, 2004: 44), позволяющий человеку формироваться как духовной личности. Одновременно, язык выполняет функцию духовного единения одного сообщества.

В русской лингвистике вопросом языковой личности занимался В.В. Виноградов, который выделил личность автора и личность персонажа. Среди современных российских языковедов понятие языковой личности исследует Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это «человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» (Караулов, 1987: 4).

В.А. Маслова вводит понятие лингвокультурной личности, под которой понимает «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» (Маслова, 2001: 94). В.А. Маслова определяет структуру языковой личности, в которую входят следующие компоненты:

«1) ценностный, мировоззренческий, относящийся к содержанию воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов, формирующаяся в процессе формирования, становления и развития личности. Язык в данном плане обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует национальный языковой образ мира и систему национальных духовных представлений, которые определяют формирование национального характера, реализуются и совершенствуются в процессе общения.

2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства мотивации к изучению языка, повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию умений и навыков адекватного употребления языковых средств согласно специфике той или иной социокультурной ситуации в процессе осуществления определенной деятельности. Это делает возможным и эффективное воздействие на партнера по коммуникации.

3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке и отражает и в его индивидуальной языковой картине мира, языке и речи» (Маслова, 2001: 92).

Итак, ценностный компонент языка является первым и ключевым компонентом языковой личности, составляющий сущность аксиологической компетенции человека. В словацких лингвистических кругах аксиологическую концепцию языка исследует Ю. Долник (Orgoňová – Dolník, 2010), который выделяет способность человека при помощи языка формулировать ценностные суждения. Ю. Долник изучает механизм, при помощи которого – в речевом высказывании отражается ценностная деятельность человека, считая, что «аксиологическая компетенция так же как и коммуникативная и лингвистическая приобретается, усваивается и развивается в социально-коммуникативном взаимодействии с членами конкретного национально-культурного и языкового сообщества» (Orgoňová – Dolník, 2010: 184).

Таким образом, проблема ценностей связана с одной стороны с межличностными отношениями членов данного этноса, с другой – с системно-структурными явлениями языка, как средствами воплощения, обозначения ценностей.

Источники и методы исследования: анализ литургической практики греко-католической церкви, воздействие текстов богослужения и церковного песнопения на формирование языкового сознания конфессиональной личности, его конфессиональную картину мира. В исследовании придерживаемся специфической методологической базы феноменологического типа, состоящий в том, что анализ, понимание и интерпретация содержания слова начинается с фиксации его данностей в сознании языковой конфессионально обусловленной личности. Для описания всей сферы представлений, попадающих в фокус феноменологической рефлексии необходимо привлечение данных и понятийного и терминологического аппарата широкого спектра антропологических наук и направлений, а нашем случае это лингвистика, лингвоконфессология, герменевтика, когнитивистика, музыкальная эстетика.

Языковая, конфессиональная личность – субъект изучения лингвоконфессологии

Духовное развитие личности происходит в языковом сообществе, которое отличается от остальных этносов не только по принципу пола, расы, социальному положению, используемого ими родного языка, но и по конфессиональной принадлежности. Человек, принадлежащий к определенной конфессии, духовно развивается в рамках тех ценностей, которые установлены данным вероучением, культом, церковной организацией. Таким образом, языковая личность сохраняет свою конфессиональную ориентацию как одно из самых глубоких духовных и культурных измерений общества и человека. В данном контексте можем говорить о конфессионально обусловленной языковой личности. Конфессия, например, греко-католическая, как система не просто влияет на сознание верующего христианина, но сама становится органичной частью языкового сознания. Цель, миропонимание, смысл жизни, т.е. вера осуществляется в целостном бытии греко-католической личности. Такая личность, с точки зрения лингвистики, является греко-католической языковой (коммуникативной) личностью, т.е. это совокупностью особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения.

Религиозные представления данной личности манифестируются посредством языка, поскольку: «язык, с точки зрения религиозного сознания, непременно является плодом и результатом особенного промыслительного действия божественной любви в судьбах нашего мира. Однако, под языком

здесь подразумевается не только звуковая речь и не только письмо как таковое, а нечто иное, превосходящее и фонетику, и орфографию, и пунктуацию, и стилистику, и лексику, и все то, с чем мы привыкли сталкиваться в повседневном быту. В данном случае язык можно было бы представить как мысль, а точнее, сущность, ее движение, и формы проявления этого необычного дара, которым наделен человек (иначе говоря, в этом присутствует действие Логоса, желающего открыть Себя в человеке и жаждущего того, чтобы человек увидел в себе это премирное бытие)» (пер. Петр (Гайденко), электронный ресурс).

Современный человек живет в богатом информационном мире. Многие исследователи отмечают, что «в настоящее время теряется настоящая связь человека с реальностью, человек оттягивается от окружающего мира, убегая в свой собственный мир» (Адамка, 2007: 238). Так или иначе, вступая в разные коммуникативные ситуации, человеку приходится выбирать дифференцированные средства выражения, так как каждая сфера бытия нуждается в работе с разными средствами выражения. И это требует от языковой личности большей языковой внимательности, это касается и языковой личности определенной конфессии.

Согласно И. Н. Яблокову, религиозность понимается как качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений (Яблоков, 1998). Определить религиозность личности довольно сложно, так как это зависит от критериев, которые лежат в опросе респондентов. Существуют различные подходы и точки зрения на то, что же является необходимым и достаточным критерием *религиозности личности*. Например, социологи предлагают брать во внимание **критерий самоидентификации человека**, которая может быть определена в двух направлениях. Во-первых, по базисной шкале: *верующий — индифферентный — неверующий* или *верующий — колеблющийся — неверующий — атеист*. Во-вторых, определение отношения человека к конкретному религиозному вероисповеданию — *конфессиональная самоидентификация*. Второе направление является «важным конкретизирующим признаком религиозности, получающим выражение и в религиозном сознании, и в религиозном поведении» (Дубов и кол., 2003: 543). Русский философ И.А.Ильин писал, что религиозное сознание – это «духовная жажда», искание, очистительное делание, усилие (*Добролюбие*), духовное «паломничество», ... целостно и гармоничное воспламенение человеческой души» (Ильин_ 1993:146).

Учитывая конфессиональную обусловленность многих религиозных аспектов, воплощенных в языке, российский ученый Л.Ю. Буянова вводит понятие «лингвоконфессиология», как новой самостоятельной дисциплины, изучающей онтологию и корреляцию языка и конфессии. Данный подход, по словам Буяновой, поможет «увидеть, понять, осознать и принять как универсальные этнодуховные и культурные особенности каждого народа, так и эксклюзивные, определяющие своеобразие всего его жизненного и духовного уклада, конфессионально обусловленные – в самом широком смысле этого понятия» (Буянова, 2015: 90).

Одной из задач лингвоконфессиологии является полное исследование речевого поведения конфессиональной языковой личности, «потому что за каждым словом, жестом, ритуалом в разных конфессиях и обслуживающих их языках закреплён разный историко-культурный и цивилизационный опыт, уклад жизни и разные ценности, воплощённые и аккумулированные в языке. И представители каждой конфессии исповедуют и защищают именно **свои** ментально-духовные ценности, передавая их от поколения к поколению» (Буянова, 2015: 91).

По нашим наблюдениям в языковой картине греко-католиков играет значительную роль понятие «прямого преемника Кирилло-мефодиевской традиции» (*priamý dedič*), который соблюдает обряд и литургический язык (*zachovaním obradu a liturgického jazyka*). Святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий – создатели славянской азбуки, проповедники христианства, принесли в Моравию византийский обряд, литургическую практику современной Греко-католической церкви, которая влияет на формирование особой конфессиональной культуры и *конфессионального сознания* части словацкого социума, соблюдающего византийский обряд.

Язык актуализирует в своих единицах, сохраняет и передаёт от поколения к поколению конфессиональную культуру греко-католического социума посредством речевого жанра, гомилии. Для греко-католиков важнейшими являются тексты гомилий Павла Петра Гойдича, страстотерпца XX века. Одно из известных его высказываний вывлет ядерный концепт данной конфессии – «любовь»: «Бог – это **любовь**, возлюбите его!» (*Boh je láska, milujte ho!*). Концепт «любовь» можно считать устойчивым конфессиональным концептом греко-католической языковой картины мира. Причем концепт «возникает в индивидуальном сознании как ответ на предыдущий лингвистический (поэтический, прозаический, социально-исторический, научный) опыт человеческого индивида в общем» (Nagumanova, Gainullina, Shemshurenko, 2017: 98).

В гомилиях П.П. Гойдич использует стилистический прием антитезы, тем самым подчеркивая значение смысла истинности веры.

Приведем примеры.

1 пример, где сопоставляются резко контрастные понятия:

Na tábor veriacich – i neveriacich.

Na tábor priateľov Boha – i nepriateľov Boha.

Na tábor kresťanov – i materialistov. (Poznámky k tematickej kázni P.P. Goidiča v Klokočove 27.-28.08.1946).

Данный стилистический прием служит для построения нескольких фраз .

2 пример антитезы:

Tu sme možno prišli s hriešnou dušou – tu sa očistíme.

Tu sme možno prišli so smutným srdcom – tu sa potešíme.

Tu sme možno prišli ako sluhovia diabla, následníci pekla, ale teraz sa vraciame ako synovia Pána Boha a nasledovníci Ježiša. (Poznámky k tematickej kázni P.P. Goidičav Krásnom Brode 14.10.1924).

Сопоставление фраз усиливается за счет использованного приема синтаксического параллелизма, заключающийся в «зеркальном» строении синтаксических конструкций.

Влияние греко-католической духовной культуры на формирование личности носит комплексный характер, поскольку происходит воздействие на чувства, волю и сознание человека. Среди воздействующих компонентов находится сам язык богослужения, коммуникативную функцию которого выполняет словацкий язык (как родной), или диалект (многие греко-католики общаются на русинском языке), или старославянский язык (как богослужебный язык).

Духовную связь между верующими обеспечивает также песнопение, основанное не только на когнитивном осмыслении ценности этого феномена, но и на эмоциональном восприятии, переживании, благодаря которым происходит постижение духовной истины на онтологическом уровне.

На реципиентов воздействуют специфические средства: текст песнопения несет значимую смысловую нагрузку, которая направлена на принятие высших духовных ценностей. Это особенная музыка, требующая особого внутреннего расположения, поскольку через ее исполнение передается

духовный опыт человечества, реализуются высшие духовные потребности личности. Песнопение воздействует гармонично на языковую личность, которая может ощущать радость, счастье, чувствовать смысл жизни. Проявляются чувства, эмоции на содержательную и звуковую действительность. Музыка выступает как эстетический феномен – респонса. Однако, важную роль играют мелодические типы в виде семантических форм: например, уже на протяжении многих столетий восходящая и нисходящая мелодия употреблялись для определенной символики, так же как и увеличение звука (*crescendo*) символизировало восходящее солнце, путь в обитель Творца, наоборот, уменьшение звука (*decrescendo*) символизировало исчезновение, пропадание тенденции и т. д.

Годовой круг богослужений несет участникам знания о библейских событиях и приобщает паству к определенным формам вербального поведения.

К вопросу симбиоза слова и музыки

Человек как антропологический феномен проявляет способности к восприятию музыки, основных компонентов музыкальной организации: ритма, тональной организации (мелодические и гармонические структуры) и выражения (встроенные и представленные во взаимодействии музыки и эмоций). По мнению ученых Джакендоффа и Лердахла (2006: 32), каждый из доминирующих компонентов открывает сочетание единых когнитивных феноменов (принципы группировки форм; гармоническая крепкость; нарушение движения), с такими явлениями, которые являются общими как для музыки так и для речи (метрическая организация).

Музыкальный ритм является одним из естественных свойств музыки, хотя существуют и такие музыкальные выразительные средства (например, григорианское пение, электроакустическая музыка), для которых ритм необязателен. Речевой ритм считается общепризнанной категорией (например, метрическое стихосложение), ставящей некоторые элементы в ударное или безударное положение. Но это не позволяет однозначно утверждать, что речь непременно ритмична (допускается возможность и неритмичности или даже антиритмичности речи). В речи также вырабатываются характеристики в силу метафоризации, т.е. процессов соиздания конкретных теоретических категорий, которые имеет и музыка. Следующая общая черта – это область выразительности¹, эстетические характеристики, например, в общении задействованы аффекты и эмоции, высота тона, жесты, модуляция и т.д.. Но тем не менее, присутствует одно отличие – если речь используется с целью общения и переноса познания, то основа музыки кроется в области возникновения эстетического переживания.²

---

¹ Выражение в музыкальной эстетике определяется как внешнее музыкальное проявление эмоций, которые переживает автор, исполнитель внутри самого себя.

² Теории возникновения речи и музыки не сходятся во многих аспектах. Одни говорят о приоритете речи над музыкой, исходя из определенной родственности музыки и мелодической линии речи, т.е. музыка вытекает из речи. Другие, наоборот, приводят аргументы на господство музыки над речью (например, Чарльз Дарвин). В чешской музыкальной эстетике существует теория „правыкрика“ (Йозеф Гуттер), допускающая факт, что первые звуки, издающие человеком в самом начале не были ни речью ни музыкой, т.е. и первое и второе развивалось одновременно..

Одним из самых спорных моментов является вопрос языкового и музыкального синтаксиса. Если каждая языковая система имеет свою синтаксическую структуру, то музыкальный синтаксис существует во многих музыкальных языках. Музыкальные синтаксические системы возникали в разные времена, пространствах, цивилизациях и действуют до сих пор.³ Несмотря на плюрализм в музыкальной культуре, существуют области, которые соблюдают традиции и каноны. Сюда относится литургическая музыка, столетиями тщательно охраняемая церковным духовенством, различными комиссиями, монашескими сообществами, специализирующимися в данной области и т.д.. Соблюдается не только четкость звучания музыки, но и кристальная чистота слова Божьего (*logos*).

Терминологическое примечание к музыке литургического богослужения

Язык является не только средством переноса информации, но выполняет и символическую функцию. Тем не менее, данную этносоциальную функцию может реализовать и музыка, хотя не имеет инструментарий для трансфера вербального содержания. Таким образом, слову изначально присуща определенность, а музыке без слов – неопределенность высказывания. Музыка увеличивает эстетическое воздействие слова, погруженного в литургическую музыку (музыка понимается как молитва выраженная в словах). Для определения музыки христианского богослужения используются многие термины, некоторых из них взаимозаменяемы, но не являются синонимами. Р. Подпера (2009) выделяет 9 понятий, коротко характеризуя каждый термин:

1. *Духовная музыка* – самое широкое понятие, выходящее за рамки разных религий, музыкальных жанров и пространств; может звучать во время церковной службы, например, литургическая музыка, но может быть паралитургической и внехрамовой. Ее «вдохновение кроется в мистической, трансцендентальной действительности» (Podpera, 2006: 9).
2. *Религиозная, церковная музыка* связана с конкретной религией, конфессией. Это музыка призвана служить целям и задачам Церкви (богослужение, поучение, концерты в храме и т.д.), выполняет функцию богослужебного пения, евангелизации или просто эстетическую.
3. *Христианская музыка* – это музыка используется в христианских церквях.
4. *Сакральная музыка* – это духовная музыка, храмовая музыка; касается религиозного культа, обряда; понятие произошло от термина „sacrum“ (священное пространство, святыня и т.д.).
5. *Храмовая музыка* – пение звучит в храме (сюда относится литургическая музыка, но не всегда церковное песнопение исполняется в храме и т.д.).
6. *Богослужебная музыка* – это синоним литургической (церковной) музыки, к ней относится вся звучащая музыка во время богослужения (выражается религиозность паствы; не всегда соотносится с литургическими предписаниями и т.д.).
7. *Священная музыка* – термин, который встречается чаще всего в документах Церкви; музыка сакральных обрядов (синоним литургической музыки).
8. *Литургическая музыка* – богослужебное песнопение исполняется за храмовым богослужением и составляют гимническую (по-славянски – песенную) часть чинопоследования той или иной церковной службы. Подпера

---

³ В современном языке или литературе не используются синтаксические правила двухсотлетней давности. Музыка же наоборот, звучит в разных эпохальных стилях и никто над этим даже не задумывается.

(2006: 13) понимает литургическую музыку как «музыкальность самой литургии».

9. *Ритуальная музыка* – после принятия документов Второго Ватиканского собора данный термин используется как синоним литургической музыки. Ритуал и ритуальная музыка связана с религиозными ритуалами и выполняет социальную функцию самоидентификации индивида в рамках одного сообщества.⁴

Церковную музыку можно классифицировать на основе разных жанров, форм и видов, в зависимости от места звучания, функции и источников, исполнителя и уровня исполнения. Если говорим о жанровой принадлежности, то церковная музыка относится к традиционному *духовному песнопению* (там же: 33). В отличие от музыки, богослужбное пение никогда ничего не выражает и ничего не изображает, но всегда является тем, чем оно является. Ученый (там же) выделяет четыре измерения конструкта слова и мелодических структур:

1. измерение воспоминания (оглашения деяний Бога по отношению к человеку: «*Сие творите в Мое воспоминание*» (Лк. 22:19)),
2. измерение эпиклезы (призывание Святого Духа: *еще приносим Ти словесную сию и бескровную службу, и просим, и молим, и милися деим, низпроси Духа Твоего Святаго на ны и напредлежащая дары сия*) и возгласы,
3. доксологическое измерение (молитвенное прославление и восхваление: *Слава в вышних Богу; Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь; Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля Славы Твоея: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних*),
4. соборное измерение совместного творчества многих поколений.

Богослужбное пение представляет собой единство форм молитвы, жизни и мелодии. Считается, что разрыв этого единства означает конец богослужбного пения и переход в область музыкального искусства, граничащего с профанным миром. Молитва в сакральном пространстве является основным способом богопознания, формирования «правильных» представлений о Боге.

Категория гоноратива в молитве как составной части богослужбного пения

Молитва является речевым актом, совершающимся «между человеком и субъектом из сакральной сферы» (Makuchowska, 1998: 47). Таким образом, молитва – это традиция человеческого разговора, примирившегося Богом, форма особого диалога с конкретными прагматическими функциями. Основной функцией молитвы является импрессивность, реализованная в форме просьбы. Молитва является основной частью богослужения. Основными способами воплощения считаются внешние (гласные и устные) и внутренние (мысленные) молитвы. Существуют и более детализированные типы внешних молитвословий по адресату, содержанию, времени, структуре, объему (см. Прохвятилова, 1999) и т.д..

Во время литургии св. Иоанна Златоуста звучат на словацком языке такие молитвы, как: аллилуарий: *Zachovaj nás Bože vo svojej svätosti, aby sme sa po všetky dni učili tvojej pravde. Aleluja, aleluja, aleluja*; ектения великая:

---

⁴Дуфка (2006: 61) рекомендует различать четыре термина: религиозная, сакральная, церковная и литургическая музыка.

Dobroreč, duša moja, Pánovi...; Chváľ, duša moja, Pána...; ектения просительная: Znova a znova modlime sa v pokoji k Pánovi; ектения сгубуая: Pane, zmiluj sa. Hóspodi, pomiluj; заамвонная молитва: Pane, ty žehnáš tým, čo ti dobrorečia, a posväcuješ tých, čo dúfajú v teba. Spas svoj ľud a žehnaj svoje dedičstvo, ochraňuj plnosť tvojej cirkvi, posväcuj tých, čo milujú krásu tvojho domu. Osláv ich svojou božskou mocou a neopúšťaj nás, v teba dúfajúcich. Daruj pokoj svetu, svojim cirkvám, kňazom, našim svetským predstaveným i všetkému svojmu ľudu; изобразительные псалмы (Пс. 102-й): Dobroreč, duša moja, Pánovi a celé moje vnútro jeho menu svätému. Požehnaný si, Pane. Ako je vzdialený východ od západu, tak vzdáľuje od nás našu nepravosť. Požehnaný si, Pane. Dobrorečte Pánovi, všetky jeho diela, všade, kde on panuje. Dobroreč, duša moja, Pánovi.

Одной из самых значимых грамматических категорий молитвы – это гоноратив, особая форма вежливости, передающая почтительное отношение говорящего к лицу, о котором идёт речь. Выделяются три группы форм гоноратива: собственно гоноративные (почтительные), депрециативные (скромные) и нейтральные. Стандартно-нейтральный гоноратив может выражаться в языках: 1) с помощью *дейксиса*, то есть местоименной или полуместоименной номинации, связанной с категорией лица и числа (Шафиков, 2011а); 2) с помощью *адрессива*, то есть субстантивной номинации, которая может ставиться перед именем лица или употребляется отдельно (Шафиков, 2011б).

Посредством гоноратива выражается категория социального статуса, внутренняя формула которой «имеет три глубины измерения (коммуникативная, социальная и репрезентативная). Если репрезентативное измерение статуса формально представлено в языке, значит, в этом языке категория социального статуса находит многообразные способы выражения в грамматике и лексике и относится к числу характерологических категорий для данного языка. Если же репрезентативное измерение статуса формально не представлено, то категория статуса выражается лексически, стилистически и имплицитно-грамматически» (Карасик, 2002: 200). Гоноратив используется для статусной репрезентации, выражающей отношение с восходящим вектором по линии возвышения адресата и самоуничижения говорящего.

Й.Мистрик считает, что посредством гоноратива выражается отношение молящегося к адресату во время религиозной коммуникации (Мистрик, 1981). Одна из форм гоноратива – это использование «ты»-сферы высказывания. Обращение характеризуется как слово или группа слов, которые называют того, к кому адресована речь. Приведем примеры из литургии св. Иоанна Златоуста на словацком и церковнославянском языках (транскрипция на латинице): *Pane, zmiluj sa (Hóspodi, pomiluj); Zastaň sa a spas nás, zmiluj sa a zachráň nás, Bože, svojou milosťou (Zastupí, spasí, pomiluj i sochrani nás, Bóže, tvojeju blahodátiju.); A dovol' nám, Vládca, s dôverou a bez strachu z odsúdenia vyzvať teba, nebeského Boha Otca a povedať (spodóbi nás, Vladyko, s derzновénijem neosuždenno smiti prizývati Tebé nebésnahо Bóha Otcá, i hlahólati); Pred tebou, Pane (Tebí, Hóspodi); Daruj nám, Pane (Podáj, Hóspodi); Spas nás, Synu Boží, obdivuhodný vo svojich svätých (Spasí ny, Sínye bóžij, vo svyatých díven syj); Pane, spomeň si na mňa, keď prideš do svojho kráľovstva (Vo cársviji tvojem, jehdá príideši,) pomjani nás Hóspodi); Lebo ty si svätý, Bože náš, a my ti vzdávame slávu, Otcu i Synu i Svätému Duchu, teraz i vždycky (Jako svját jesí, Bóže náš, i tebi slávu vozsyľajem, Otcú, i Synu, i svjatómu Dúchu, nýňi, i prison); Sláva tebe, Pane, sláva teba (Sláva Tebí, Hóspodi, sláva Tebí); Pane a Vládca, Bože našich otcov, prosíme ťa, vypočuj nás a zmiluj sa (Hóspodi vsederžíteľu, Bóže otec nášich, mólím ti sja, uslyši i pomiluj); Ospevujeme ťa, zvelebujeme ťa, ďakujeme ti, Pane, a prosíme ťa, Bože náš (Tebé pojém, Tebé blahoslovím, Tebí blahodarím, Hóspodi, i mólímtisja, Bóže náš); Dóstojně je velebiť teba, Bohorodička, vždy blažená a nepoškrvená i*

Matka nášho Boha (Dostójno jésť jáko voistinnu blažiti Ťá Bohoródicu, prísno blažennuju i preneporóčuju, i Máter Bóha nášeho).

Как показывают примеры, гоноратив выражается с помощью формы субстантивных номинаций 2 л. ед. ч. (адрессив). Согласование имени существительного с глаголом проводится по грамматическим показателям 2 л. ед. ч. повелительного наклонения, обозначающего просьбу (императив): *zmiľuj sa, spas, spomeň si, vyročuj*. Глагольные формы 2-го лица указывают на наличие второго участника религиозной коммуникации.

Субстантивум *Pane, Bóže, Synu Boží* на *e, -u* используются в форме звательного падежа (vokatív). Считается, что использование звательного падежа в религиозной коммуникации связано с соблюдением ритма и звукового сходства. Рассмотрим примеры:

Молитвы: *Kráľu nebeský, Utešiteľu, Duchu pravdy...; Otče náš, ktorý si na nebesiach, - posväť sa meno tvoje...;*

Песнопение: *Priď už, priď už, Spasiteľu, - udeľ duši, nášmu telu; Duchu Svätý zostup k nám, - posväť našich duši chrám; Kráľu nebeský, Boh všemohúci, - Duch Utešiteľ, Duch pravdy sám; Požehnaj všetkých, Ježišu miľý, - čo tvojmu Srdcu vzdávajú česť.*

Приемительно к категориальной формуле статуса следует подчеркнуть, что гоноратив проявляется в функционально-грамматической и функционально-стилистической религиозных сферах языка.

Анализ обращений в большинстве молитвословий показал, что эти обращения представляют собой наименования Господа, Богородицы, святых, мучеников и мучениц, архангелов и ангелов, апостолов. Приведем примеры:

Обращение к Господу Богу: *Bože, Bože náš, Svätý Bože, Pane, Ježišu, Kriste, Kriste Bože, Bože, Synu Boží, Synu Boha živého, Kráľu nebeský, Dobrotivý, Vládca, Sivoriteľ, mocný vojvodca, premožiteľ pekla, Duchu, Spasiteľu, Vykupiteľu, Pane mocný, Tvorca anjelov a Pane mocností; Ježišu presladký, Ježišu preslávný, Ježišu preľubezný, Ježišu prepodivný, Ježišu najtichší, Ježišu najláskavejší, Ježišu najmilosrdnejší, Ježišu presladký, Ježišu predvečný; Ježišu, Baránok nepoškrvený; Ježišu, Pastier obdivuhodný; Ježišu, prameň múdrosti.*

Обращение к Богородице: *Bohorodička, mocná Vládkyňa; najsvätejšia Panna; zornica, hlbina; panenská Nevesta; navädniča ratolesť stromu života; úrodná vinica; Matka Baránka a Pastiera; Vojvodkyňa veriacich; veniec striedmosti; košatý strom; prečistá Pani.*

Обращение к святым, страстотерпцам, апостолам: *Jozef, ochranca svätej Cirkvi; preslávný ženich; svätý Jozef; starostlivý ochranca Svätej rodiny; hieromučeník Jozafát; Kristov hieromučeník; svätý Jozafát; popredný mních; svätí Cyril a Metod; prvoučiteľia Slovanov; otcovia našej cirkvi; slovanskí, apoštoli; spolupatróni Európy; preslávnii učiteľia; blažený Pavol; blažený otec a mučeník Pavol; blažený biskup a mučeník Pavol; blažený Metod; ozdoba rehoľného života; veľkňaz a patriarcha Atanáz; svätý apoštol Jakub; svätý apoštol Šimon; znamenitý prorok Eliáš; ctihodná Mária Magdaléna; Bohom omilostená Anna; mučeník Kristov, Metod.*

Атрибут при обращениях чаще всего используется в акафистах, молитвах, состоящих из хвалебных песнопений, а также в канонах, посвященных прославлению праздника или како-нибудь святого.

Анализ литургической практики греко-католической церкви и проблематика слова и музыки

Церковная музыка христианского Востока не сопровождается музыкальными инструментами, которые мешают поощению богословию, обозначающее мелодическую структуру опыта богопознания.

Греко-католическая церковь в Словакии использует в практике богослужебного пения три разные варианта текстов.

Кроме текстов, взятых из Библии (паремии, псалмы, песнопения и т. д.), находим в богослужениях два основных типа текстов: молитвы и песнопения. Основными гимнаграфическими типами формами являются: тропарь, кондак, стихар, канон.

Ш. Маринчак (2006:198) выделяет три категории литургических книг византийского обряда:

1. книги, содержащие чтение из Священного Писания: богослужебное Евангелие (*Evanjeliár*), богослужебный Апостол (*Apoštol*) и Псалтирь (*Zaltár*).
2. книги, содержащие постоянные части богослужения: Евхологий, Молитвослов (*Velký Euchológion*), Часослов (*Časoslov*) молитвословий суточного богослужебного круга.
3. тексты книг изменяемых молитвословий: Октоих (*Oktoich*) на каждый день недели, Триодь (*Triodion* а *Pentekostarion*) тексты изменяемых молитвословий подвижного годового богослужебного круга, Минея (*Minea*) – богослужебная книга, содержащая тексты изменяемых молитвословий неподвижного годового богослужебного круга.

Кроме вышеупомянутых книг используется богослужебная книга Ирмолий (*Irmológion*), содержащая ирмосы и катавасии канонов из октоиха и праздничных канонов из Минеи и Триоди. И еще Типикон (*Typikon*), богослужебная книга, содержащая устав совершения богослужения, поста и празднования памяти святых и иных церковных праздников. С данными книгами связан вопрос перевода на национальные языки, например, кодифицированный русинский язык⁵, а также проблема богослужебного пения на греко-католической литургии. Именно в географической зоне Карпатского региона проблемными являются музыкальные рукописи и книги, в которых слово совсем соотносится с распевом. Были изданы следующие книги: *Cekrevnoe prostopenie*, авторы: Иосиф Малинич и Ян Бокшай (изд. в Ужгороде, 1906) и *Irmológion*, авторы: Степан Папп и Никефор Петрашевич (изд. в Прешове, 1970). В них находятся мелодии, распевы литургических текстов, но тексты не соответствуют ни римскому изданию ни никоновским изданиям богослужебных книг (под руководством патриарха Никона). Проблемы несоответствия слова и музыкальных распевов приводят к тому, что «кантор (певчий) должен приспосабливать музыкальную мелодию к стандартному тексту, что довольно сложно» (Marinčák, 2006: 209), что может влиять на смысл молитвы, ее когнитивный потенциал, поскольку «интонация, наряду с лексическими и синтаксическими средствами, принимает участие в формировании различных смысловых и эмоционально-стилистических оттенков высказывания» (Прохватилова, 1999: 94).

Как показывает наше наблюдение, молитвы являются частью духовной реальности, в которой реализуется сакральное Слово: «Литургическое пение – это нечто иное, как молитва, выраженная словами и музыкой» (Marinčák, 1998:11). Разные распевы при молитвенном чтении могут не передавать различия коммуникативных типов высказывания. Молитвенное чтение воспринимается как асемантичный текст, т.е. такой текст, который полностью или частично непонятен реципиенту вследствие нарушения его связности,

---

⁵ На сегодняшний день на словацкий язык были переведены *Evanjeliár*, *Apoštol*, *Služebník* и часть малого *Trebníka*. На русинский язык переведены *Апостолы* на воскресенье и праздники годового богослужебного круга.

главным образом, грамматической, лексико-семантической, фонетической составляющих; такой текст не является реально правильным, а потому может вызывать сбой в процессе коммуникации. Семантика императивных форм в таком случае может восприниматься нейтрально и не будет побуждать паству к действию. Так, например, могут стираться значения глаголов волеизъявления, требования, просьбы, т. е. «не имеют специальных грамматических средств для своего выражения. Формы повелительного наклонения глаголов *сказать* (*скажи, скажите*) и *смотреть* (*смотри, смотрите*), *глядеть*, *подумать* в определенных синтаксических позициях утрачивают побудительное значение и употребляются в функции модальных частиц, выражающих *недоверие, сомнение, удивление*» (Русская грамматика 1980: 624).

В музыке найдутся изъяны не только по отношению к текстам, но недостатки есть и в самой мелодической структуре, например, нелогически поставленные музыкальные фразы и акценты: «Многие мелодии словно возникли не для конкретного текста, а были специально установлены» (Maříňák, 2006: 209). Проблемы возникают не только при переводе, но и при общем эстетическом восприятии текстов. Мелодии часто передавались устным способом, поэтому некоторые фрагменты были утрачены. Потерянные мелодии воспроизводятся при помощи похожих мелодических образцов (например, из Галичской области в Украине), однако, дисгармония остается пока недоконца устранным недостатком.

Искусство владения голосом является одним из самых важных в греко-католической традиции. Ш. Маринчак (Maříňák, 2006: 209) считает, что «их замену современными композициями можно понимать как nepoзвoляeмoe вмешательство и изменение византийской литургии». Византийские гласы (мотив, лад) в богослужбном пении имеют тройное значение.

1. В первую очередь – это **текст**. Наиболее это прослеживается при использовании книги Октоих (Oktoich), а именно песнопения (из Октоиха) богослужений одной недели подчинено одному из восьми гласов.⁶ Восемь недель образуют восьминедельный гласовый цикл, повторяющийся в течение года несколько раз.⁷

2. **Попевки** одного гласа не одинаковы для ирмосов, прокимнов, тропарей. Так как в богослужении употребляются песнопения разных типов: тропарь, стихира, прокимен, ирмос и др. – для них установлены и различные напевы.⁸

3. **Восьмигласие**. Восемь гласов составляют систему «осмогласия» (восьмигласия), которая охватывает почти весь основной фонд церковной музыки. Символично, что существует восемь заповедей блаженства, которые Иисус Христос произнес во время Нагорной проповеди и дополнил так Десять заповедей Моисея.

Воздействующее действие вербальных и невербальных средств на духовное развитие языковой личности

Музыку часто сравнивают с речью, называют ее речью тонов, эмоций, универсальным языком. На самом же деле, музыка – это не язык, понятие музыки, как речи – это только метафора. Также и выражение: «разговор посредством музыки», воспринимается в переносном значении. С эстетической

---

⁶ Восемь раз понедельник, восемь раз вторник и т.д.

⁷ Автор – преподобный Иоанн Дамаскин.

⁸ чтобы правильно спеть, необходимо знать не только номер гласа, но и его тип: тропарный, стихирный или иной.

точки зрения, однако, связь музыки и слов незаменима. Известный немецкий теоретик музыки, лексикограф и педагог 20 века Ханс Генрих Эггербрехт (2002: 23) отмечает, что «границы музыки, вызывающие ее подчинение речи, одновременно обеспечивают ее превосходство в области искусства, так как, «говорящие» тоны – это звучащий феномен, находящийся в эстетичной плоскости, в царстве чувственного восприятия, и эмотивного переживания».

Речь и ее знаковый материал не были сначала предназначены для выражения эмоций. Это случилось после того как речь попала в сферу искусства (литература, поэзия), тем самым частично потеряла свой знаковый характер. В то же время, она смогла быть похожа на музыку и приблизиться к звуковой форме музыки (ритмом, модуляцией, декламацией и т. д.). Музыка сближается с речью при помощи использования синтаксических терминов, но различия остаются, а сходства основаны на аналогии. Сила музыки наблюдается особенно в противоречии с речью. Музыка в своей нетерминологичности выражает чувственность мира, эмоции жизни, бесконечное бытие. Размышляя о духовной музыке Эггербрехт (2002: 141), указывает на необходимость различать «духовную музыку» и «духовность в музыке»: «Духовная музыка существует, а духовность в музыке – нет»⁹. Термин «духовный» означает наличие отношений с Богом, которые с самого начала христианства передавались через музыку (совместные религиозные напевы, обряды). Это концептуальное поле, сакрального, священного, религиозного, богослужебного, храмового, литургического и т.д. характера.

Как считает Йозеф Кресанек (Kresánek, 1980:167), с эстетическим переживанием взаимосвязаны такие социальные функции как, магическая, мобилизующая, объединяющая, ритуальная, восхваляющая и т. д.. В качестве очень сильной социологической детерминанты автор (там же: 170) рассматривает требование «совпадения и сожительства» в обществе, в коллективах. На ранних этапах человеческой культуры (магии, обрядов) это было основным требованием для появления музыки. Просодическая сторона поэтики с ее склонностью к порядку, форме, способствовала развитию музыкальных форм в более организованной и регулярной формах.

Музыка характеризует пространство, в котором она исполняется, вызывает положительные эмоции, влияет на социальное поведение, отношения с членами сообщества¹⁰. Она может захватывать, но также успокаивать. Эстетическое проживание может достичь необычайной глубины и интенсивности. Чрезвычайно сильное музыкальное переживание характеризуется исключительно интенсивным проникновением человека в воспринимаемый объект, полным погружением в переживание, дезориентацией во времени и пространстве, ощущением физической связи с тем, что воспринимается как трансцендентное. Именно в совместном пении, во время эстетической деятельности самого поющего человека как части сообщества (по сравнению с пассивным или активным восприятием того, что кто-то производит и интерпретирует без моего участия), может быть усилена интенсивность проживания под влиянием сообщества.

---

⁹ Автор объясняет (там же: 143), что духовно как предмет музыкальной выразительности не может существовать, не хватает изобразительных средств для его вывления. Подобным образом понимаются музыкальные нормы, которые не являются ни профанными, ни духовными, а считаются единственным музыкальным канонам.

¹⁰ Коммуникативная функция является соборной функцией литургического пения. Целью которой является духовное единение – с Богом и всех людей друг с другом.

Как отмечает М.Франек (Franěk, 2005: 188), чрезвычайно сильные переживания сопровождаются физическими реакциями (гусиная кожа, изменения дыхания, пульс и т. д.), восприятие может сопровождаться визуальными образами, тактильными или кинестетическими мыслями. Другими проявлениями являются изменения в познании (отказ от обыденной системы, от аналитического мышления, интенсивная концентрация, запоминание, ассоциация и воображение, изменения в ощущении времени и т. д.), ряд положительных эмоций, чувство радости, счастья, эйфории, но и гармония и мир). Наконец, сюда относятся изменения в структуре самой личности (личная самоактуализация, катарсис, чувство силы, соборности и принадлежности к группе других людей).

Заключение

Музыкальное переживание литургии вместе с чтением молитв формирует языковую конфессиональную личность, влияя на религиозное сознание, которое имеет определяющее значение в формировании языковой картины мира: именно христианство как религия берет на себя задачу формирования и развития морально-этических и нравственных ценностей современного человека. В молитве, в тексте проповеди преследуется цель говорящего воздействовать на сознание реципиентов, апеллируя к предполагаемому сакрализованному видению мира. Для достижения коммуникативных намерений на всех уровнях языковой системы осуществляется отбор и организация языковых средств воздействия. Важную роль здесь играют невербальные средства (тембр, тональность и др.) и характеристики.

Музыка, пение, молитва усиливают характер богослужения. Текст, слово (*logos*) играет ведущую роль, превышая музыку. Музыка выступает в качестве сопроводительного элемента слова. Сакральная музыка служит Слову и воплощенному в литургии Иисусу Христу, так как при помощи «музыкальных проявлений и слов происходит диалог с Христом» (Zeleiová, 2006: 213). Звуки и тоны создают речевые и музыкальные формы в психике человека, из которых вытекает эстетическое переживание обогаченное словом и когнитивным аспектом познания Богоявления (*logos*)¹¹. Таким образом, в литургическом пении в едином симбиозе встречаются когнитивный, эмоциональный, эстетический аспекты. Взаимотношение слова и звука, музыки и текста представляют мощный взаимообуславливающий союз, укрепляющий духа, пробуждающий доверие к Богу, вдохновляющий веру в Христа.

Bibliographic references

- ADAMKA, P. 2007. Reljativnost' točki zrenija v SMI// V poiskah jekvivalentnosti III. Prešov: FF PU, pp. 238-246.
- VAJSGERBER, J. L. 2004. Rodnoj jazyk i formirovanie duha / Per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 232 p. (Istorija lingvofilosofskoj mysli.) ISBN 5-354-00843-3
- BUJANOVA, L.Ju. 2015. Russkij jazyk kak semiotiko-mental'naja sistema reprezentacii lingvokonfessional'noj bezjekvivalentnosti.// Hladanie ekvivalentnosti

---

¹¹ Кресанек (Kresánek, 2000: 12-15) об этом говорит как о первой и второй категориальной сущности искусства.

- VIII. zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie, konanej dna 12. novembra 2015 na Institute rusistiky FF PU v Presove. Presov: Filozoficka fakulta Presovskej univerzity v Presove, 86 – 95 p. ISBN 978-80-555-1430-7
- ILIN, I.A. 1993. Aksiomy religioznogo opyta. M.: Russkaja kniga, 445 p. ISBN 5-268-00550-2
- IEROM. PETR (GAJDENKO). Jazyk kak nositel' religioznogo soznaniya.// Available online: <http://kds.eparhia.ru/publishing/vestnik/pjatij/petr/>
- KARASIK, V.I. 2002. Jazyk social'nogo statusa. M.: ITDGG «Gnozis», 333 p. ISBN 5-94244-008-5
- KARAULOV, Ju.N. 1987. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7
- MASLOVA, V.A. 2001. Lingvokul'turologija: [uceb. posobie dlja stud. vyssh. uceb. zavedenij]. M.: Akademija, 208 p. ISBN 5-7695-0745-4
- PROHVATILOVA, O. A., 1999. Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen sovremennoj zvuchashhej rechi. Volgograd: Izd-vo Vol GU. 364 p. ISBN 5-85534-264-6
- SHAFIKOV, S. G. 2011 a. Evropejskaja vezhlivost' v svete mestoimenij. // Chelovecheskij faktor v jazyke i kul'ture. Ufa, RIC BashGU, 2011. pp. 88–94.
- SHAFIKOV, S. G. 2011 b. Gospodin, gospozha i dama, ili gonorativ v mezhjazykovom osveshhenii // V mnogomernom prostranstvejazyka (k jubileju prof. L. M. Vasil'eva). Ufa: RIC BashGU, 2011. pp. 113–116.
- SHVEDOVA, N.Ju. (gl. red.). 1980. Russkaja grammatika. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija. M.: Nauka, 789 p.
- JABLOKOV, I.N. 1998. Religiovedenie: uchebnoe posobie i slovar'-minimum po religiovedeniju. M.: Gjardariki, 460 p. ISBN 5-8297-0190-1
- DUFKA, V. 2006. Liturgicke slavenie ako zakladne vychodisko pre chapanie ritualnej hudby. In: Hudba v sucasnej liturgii. Musicologica Slovaca et Europaea XXIV. Bratislava: UHV SAV, 2006, pp. 59-70. ISBN 80-89135-07-2
- EGGEBRECHT, H. H. 2001 Hudba a krasno. Eseje, zv. 3. Prelozila Jarmila Gabrielova. Praha: Nakl. Lidove noviny, 219 p. ISBN 80-7106-479-3
- FRANEK, M. 2005. Hudebni psychologie. Praha: Karolinum, 238 p. ISBN 978-80-246-0965-2
- HORE SRDCIA. Modlitebnik a spevnik greckokatolika. 2002.Presov: Petra, 639 p.
- HRCKOVA, N. 2003. Dejiny hudby I. Europsky stredovek. Hudba 20. storocia (1). Bratislava: ORMAN, 164 p. ISBN 80-968773-3-x
- JACKENDOFF, R. – LERDAHL, F.2006. The capacity for music: What is it, and what's speciali about it? In: Cognition 100 (2006), pp. 33-72.
- JIRANEK, J.1996. Hudebni semantika a semiotika. Olomouc: Vyd. UP v Olomouci, 139 p. ISBN 80-7067-649-3
- KRESANEK, J. 1980. Uvod do systematiky hudobnej vedy. Bratislava: SPN, 263 p.
- KRESANEK, J. 2000. Hudba a clovek. Hudobne myslenie, Socialna funkcia hudby. Hudobna psychologia. Bratislava: Hudobne centrum, 94 p. ISBN 80-88884-18-7
- MAKUCHOWSKA, M. 1998. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole: Wydawnictwo TiT. 127 p.
- MARINCAK, S. 1998. Kapitoly z dejin byzantskej hudby. Bratislava: Dobra kniha, 48 p.. ISBN 80-7141-200-7
- MARINCAK, S. 2006. Problematika prekladov bohoslužobných textov v Katolickej cirkvi byzantskeho obradu na Slovensku z hudobného hľadiska. In: Hudba v súčasnej liturgii. Musicologica Slovaca et Europaea XXIV. Bratislava: UHV SAV, pp. 197-211. ISBN 80-89135-07-2
- MISTRİK, J. 1991. Nabozensky styl. In: Studia Academica Slovaca. 20. Prednasky XXVII. Letneho seminaru slovenskeho jazyka a literatury. Bratislava: Alfa, s. 163 – 175.

- MISTRÍK, J. 1981. Honorativ v slovincine. In: Studia Academica Slovaca. 10. Prednasky XVII. Letneho seminaru slovincneho jazyka a literatury. Bratislava: Alfa, pp. 250 – 259 .
- NAGUMANOVA, E.F.– GAINULLINA, G. R. – SHEMSHURENKO, O.V. 2017. Tatar national concepts moŷ and bākhillek in the original text and the translation. In: XLinguae Journal, Volume 10 Issue 1, January, pp. 98 – 108. ISSN 1337-8384
- ORGONOVA, O. – DOLNIK, J. 2010. Pouzivanie jazyka. Bratislava: Univerzita Komenskoho, 229 p. ISBN 978-80-223-2925-5
- PETRIKOVA, A. – KUPRINA, T. – BEKETOVA, A. – MISENKOVA, M. 2017. Intercultural aspects of concept "TOLERANCE" and facilities of creating tolerant academic environment. In: XLinguae, vol. 10, n. 4, pp. 287 – 303. ISSN1337-8384
- PETRIK, L. 2014. Kerygma v homilii a yrod zivej viery. Teologicko-homileticka reflexia o vyzname kerygmy v kontexte novej evanjelizacie. Presov: vydavetlstvo Presovskej univerzity. 2014. 222 p. ISBN 978-80-555-1221-1
- PODPERA, R. 2006. Hudba v súčasnej liturgii ako predmet vyskumu. Stratifikacia, determinantny rozvoja. In: Hudba v súčasnej liturgii. Musicologica Slovaca et Europaea XXIV. Bratislava: UHV SAV, pp. 7– 57. ISBN 80-89135-07-2
- TOMASZEWSKI, M. 1992. Nad analyzou a interpretaciou hudobneho diela. In: Slovenska hudba., vol. 18, n. 2, pp. 215–254. ISSN1335-2458
- ZELEIOVA, J.2006. Ikonicita hudby v liturgii. In: Hudba v súčasnej liturgii. Musicologica Slovaca et Europaea XXIV. Bratislava: UHV SAV, pp. 213-217. ISBN 80-89135-07-2
- WOJTAK, M. 2013. O funkcjach modlitwy wotywniej. In: Теолінгвістичка проучавања словенских језика. Одељење језика и књижевности српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија Књига 5. Београд, pp. 27 – 44.

Words: 6 447

Characters: 51 490 (28,60 standard pages)

Anna Petrikova
Faculty of Arts University of Presov in Presov,
Institute of Russian Studies,
Presov,
Slovakia
anna.petrikova@unipo.sk

Slavka Kopchakova
Faculty of Arts University of Presov in Presov,
Institute of Aesthetics and Art Culture
Presov,
Slovakia
slavka.kopchakova@unipo.sk